

ДЕТИ НЕ БЫВАЮТ ВИНОВАТЫ..

Александр Гордеев,
писатель

«Познание мира должно быть сочувственным...»

Автор

В тёплом и уютном приморском городе N рядом с домом престарелых находится заброшенный парк с чугунными скамейками, отлитыми ещё в довоенное время. На двух или трёх из них, сохранивших свои деревянные рейки с облупившейся краской, можно сидеть и сейчас.

На крайнюю от дома скамейку уже четвёртый раз за последнюю неделю приходит Галина Ивановна, бывший педагог, а в последние годы перед пенсией — завуч одной из центральных городских школ. Она приходит сюда вовсе не от того, что в доме престарелых её что-то не устраивает — там, в общем-то, неплохо: и кормят вкусно, и врачи постоянно о здоровье спрашивают. Просто в этом доме Галина Ивановна первую неделю и пока ещё не свыклась с мыслью, что это действительно её место.

Сидя вне своей новой территории обитания и глядя на лёгкие, сухие листья под ногами, она размышляет о превратностях своей судьбы.

Рядом со сквером останавливается дорогая синяя иномарка, из задней двери которой выходит женщина, примерно ровесница, одетая по дачному (это как-то сразу угадывается). А со стороны водителя —

молодой человек с папкой в руке. Он кладёт эту папку на капот, раскрывает её и перебирает какие-то бумаги. Судя по всему, ему нужно сходить куда-то по делам, а женщина не хочет ждать в машине.

Так уж вышло, что самая ближняя от них «дееспособная» скамейка как раз та, на которой сидит Галина Ивановна, и женщина направляется прямо к ней. Не дойдя нескольких шагов, она, спохватившись, ощупывает карман своей вязаной серой кофты и быстро оглядывается.

— Гена! — негромко окликает она. — Я в машине телефон забыла.

Молодой человек убирает бумаги в папку, видимо, уже разобравшись с ними, заглядывает в салон и находит там сотовый телефон.

— Извини, Гена, — говорит женщина, когда он приносит ей телефон, — гоняю тебя зря. Думала, позвоню Наташе, пока ты в банк бегаешь. Пусть она на стол накроет, ты хоть немного подкрепишься, прежде чем по делам ехать.

— Да ладно, мама, чего вы извиняетесь, — отмахивается Гена. Он смотрит

на свободный край скамейки. — Подождите, я плед принесу. Скамейка, наверное, холодная.

Быстро сбегав к машине, молодой человек возвращается со сложенным пледом и, совсем приблизившись к скамейке, обращается к Галине Ивановне:

— Здравствуйте! Ничего, что мы вас потревожим?

— Ничего, ничего.

Женщина, наконец, устраивается на своём месте, тоже извиняется за беспокойство, делает свой короткий звонок и, зачем-то показывая телефон Галине Ивановне, поясняет:

— Внучка. На даче сегодня ночевала. Ездим вот... Там ещё разной уборки навалом...

Галина Ивановна лишь грустно кивает головой. Да знает она, что это такое. Была дача и у неё...

— А Гена — это ваш сын? Или зять? — спрашивает она.

— Сын.

— Он вам неродной?

— Почему это? — даже чуть обижается женщина.

— Он вас на «вы» зовёт...

— Хм-м... У нас принято так. Я своих родителей так называла, и меня все мои дети так зовут. У меня их трое. Так и отца своего называли...

— Извините, — говорит Галина Ивановна, — просто непривычно сейчас...

— Да ничего, — отвечает женщина, — это же от воспитания зависит...

И тут уже от одного слова «воспитание» бывший завуч чувствует невольное поднимающееся раздражение. У нас ведь сейчас плюнуть некуда: заговоришь о воспитании, так все подряд Ушинские, да Макаренки. А вот

повоспитывали бы они современных учеников... Теперь эта случайная соседка по скамейке уже не кажется Галине Ивановне такой привлекательной, как вначале. Она, вроде, и говорит с каким-то вызовом, с неким самодовольством, что ли... Ну, удалась у неё жизнь, повезло ей, так что ж теперь?

— А вы, простите, кто по образованию? — спрашивает Галина Ивановна.

— Да бухгалтер, простой бухгалтер, — неловко улыбнувшись, говорит соседка.

— Ну вот видите — бухгалтер...

— Вы это к чему?

— Просто я хотела сказать: да при чём здесь воспитание? Оглянитесь кругом. Родители для детей — пустое место. У кого сейчас нет проблем с детьми? Ну бывает, конечно, кому-то и везёт...

— Как это везёт? Простите, а у вас дети есть?

— Есть.

— Сколько?

— Да тоже трое, — вдруг упавшим голосом признаётся Галина Ивановна.

— Во, какое совпадение! — обрадованно восклицает женщина.

Это обстоятельство, видимо, кажется ей чем-то располагающим, и она предлагает познакомиться. Нечаянную собеседницу зовут Любовь Иннокентьевна. Раздражение Галины Ивановны от этого знакомства только увеличивается, и Любовь Иннокентьевна тут же замечает его.

— Ладно, — примирительно предлагает она, — закроем эту тему... Вон, поглядите, какая нынче осень чудесная. А на даче что творится! Урожай в этом году такой богатый, что мы на одной нашей даче сделаем запасы на все три семьи.

Ну вот... Закрыла, называется, тему...

А сама снова так или иначе о детях. Хотя о чём ещё ей говорить, если это и есть её жизнь, вызывающе принципиально не совпадающая с жизнью Галины Ивановны? И, подумав так, бывший завуч не выдерживает сама.

— Вот вы говорите: воспитание... А вы думаете, я своих детей плохо воспитывала? Да так же, как и все, любила, заботилась... Не в воспитании тут дело. Дети сейчас другие. Не одна я так думаю. Я сейчас, как говорится, волею судеб в новом коллективе оказалась, так там иного мнения и нет...

Любовь Иннокентьевна вздыхает. Ей совсем не хочется портить себе предстоящий день, но разговор-то уже идёт...

— А вы знаете, в чём я совершенно убеждена? В том, что дети никогда не бывают виноваты. Спросите: почему? Потому что все они из семьи. А семейное воспитание — дело очень тонкое, хотя все считают себя в этом знатоками.

Галина Ивановна едва не всплещивает руками: да почему же она её-то слова говорит?!

— Ну-ну, — почти уже откровенно ядовито произносит она, — и что это, интересно, за тонкости воспитания, не известные никому?

Любовь Иннокентьевна на минуту задумывается.

— Вообще-то, этих тонкостей много, — говорит она. — Ну, вот хотя бы эта... Скажите, вот когда ваш маленький ребёнок ударился в детстве обо что-то... Ну, например, об стул или угол стола, то как вы его успокаивали?

Галина Ивановна смотрит с недоумением. А при чём здесь это? Сейчас, вот так, вдруг она даже и вспомнить тех слов не может.

— Я напомним, — не дождавшись её, продолжает Любовь Иннокентьевна. — Вы говорили: «Ах, этот нехороший стул! Он сделал тебе больно! А вот мы тоже его ударим. Вот так тебе, нехороший стул, вот так! Не обижай нашего Ванечку или Санечку, не делай ему больно!» Или другой вариант: «У кошки — боли, у собачки — боли, а у нашего хорошенького Ванечки или Санечки — заживи...» И ваш ребёнок был доволен этими уговорами, успокаивался и улыбался. Ведь обычно это было так?

— Так, — ошарашено соглашается Галина Ивановна, пожалуй, впервые за свою жизнь за-

думываясь над тем, почему это было именно так... Все так делали и делают... Это, вроде бы, и не воспитание даже, а так, привычная присказка, надёжный приём. — А что же говорили в таких случаях вы? — спрашивает она Любовь Иннокентьевну.

— А я говорила так, как слышала это от мамы и от бабушки. Я говорила: «Ой, Геночка, как тебе больно! Ты ударился. А ведь ты сделал больно и стульчику. Только стульчик не умеет плакать. Давай пожалеем его, скажем: прости нас, стульчик, мы не станем тебя больше бить, не станем делать больно...»

И тут Галина Ивановна почти физически почувствовала, как рассыпается её многолетний педагогический и воспитательный опыт, гонор... Она и сама не дура и сразу видит всю разницу между тем и другим.

— Ну вы и скажите, — всё же ещё на каких-то остатках своего несогласия говорит она уже просто по инерции, — как можно сравнить боль своего ребёнка и, простите, какого-то стула... Тут ещё додуматься надо, что стулу может быть больно...

— Хм-м... А додуматься надо. Я постоянно призываю к этому всех своих молодых знакомых. Ведь потом перед ребёнком окажется не «какой-то» стул, а «какая-то» кошка, которая случайно цапнула его, и, значит, будет правильно её побить. Тем более что сама мама узаконила такое положение, что пусть лучше кошке будет больно, а не тебе... Потом «какая-то» собака, потом «какой-то» человек, «какая-то» бабушка или просто старуха, потом «какие-то» отец или мать, «старики», «черепа»...

— Мама, я уже всё! — радостно показывая папку, докладывает сын Любове Иннокентьевны, прихода которого женщины не заметили, — пойдёмте...

Он протягивает матери руку, а когда она легко и, в общем-то, не нуждаясь в помощи, поднимается, забирает плед со скамейки.

— До свидания! — говорит он Галине Ивановне, дружелюбно взглянув на неё.

— До свидания! — говорит ей и Любовь Иннокентьевна.

Галина Ивановна остаётся как замороженная. Ей кажется, что её новая знакомая, которую она уже наверняка никогда не увидит, сказала ещё не всё. Да, пожалуй, всего и не надо. Тут и так всё ясно... «Странно, — подумает она, — казалось бы, такая мелочь — утешить плачущего ребёнка... Да его в этот момент хочется просто утешить и даже неважно как... Но ведь выходит, что мои-то дети утешались агрессией, которую я призывала проявлять, мстью, причинением боли, а дети этой женщины — вниманием, сочувствием, состраданием. Вот тебе и мелочь...»

А сколько она работала в школе, где были специальные программы патриотического воспитания, воспитания доброты, внимания, уважения, любви к Родине, большой и малой... Ну да — попробуй привей потом всё это, если в семье в голову ребёнка уже вбито другое.... Это как с некоторыми горе-родителями, которые считают, что на матах ребёнок быстрее учится говорить. Ну, мол, пусть он сначала заговорит как следует, а уж от матов-то мы его потом быстренько отучим. Да уж, вы-

тащи потом из него то, что упаковано на самое дно... Так же и здесь...

Галина Ивановна смотрит, как садится в машину Любовь Иннокентьевна, как закрывает за ней дверь её сын. Сейчас на даче они будут пить чай... Машина легко и бесшумно стартует, блеснув хромированными дисками, и Галина Ивановна вспоминает, что ей тоже пора возвращаться. В её новом доме в одиннадцать часов дают по кружке овсяного отвара, очень полезного для пищеварения.

Бывший завуч поднимается, проходит несколько шагов и вдруг, вытянув руку, утыкается ладонью в шершавый ствол старого тополя. Ей вспоминается её сын, который привёз её сюда так же на своей машине, и за всю эту первую, трудную неделю лишь однажды позвонил по сотовому, сказав несколько, по сути-то, пустых слов. Вспоминается дочь, которая, пряча глаза, складывала в чемодан её кофты и чулки. А вторая дочь не приехала вовсе...

«Простите меня, мои дорогие, — заплакав, шепчет Галина Ивановна, — простите, меня, дуру, за то, что я вырастила вас такими несчастными...».

И в этот момент перед мысленным взором Галины Ивановны предстали и Пашенька, который привёз её сюда; и Катюша, которая помогала собирать вещи; и Настенька, которая не решилась приехать; и внучки, которые у неё уже есть... Целая династия, можно сказать... **НО**